

Шатохин И. Т.,

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Российская бюрократия в общественном сознании поместного дворянства в 40–60-е годы XIX века

Аннотация. Социально-экономический кризис середины XIX в. проявился в том числе в недоверии помещного дворянства к российской бюрократии. Причины и проявления этого недоверия лежали в плоскости реализации экономических интересов и ценностных установок упомянутых социальных групп как важнейших опор государственного устройства империи. В статье рассмотрены особенности восприятия российского чиновничества в общественном сознании помещного дворянства на переломе эпох.

Ключевые слова: бюрократия, дворянство, чиновничество, предводители дворянства, общественное сознание

Shatokhin I. T.,

Belgorod State National Research University

Russian Bureaucracy in the Public Consciousness of the Local Nobility in the 40–60s of the 19th Century

Abstract. The socio-economic crisis of the middle of the 19th century was manifested, among other things, in the distrust of the local nobility to the Russian bureaucracy. The reasons and manifestations of this distrust lay in the realization of economic interests and values of these social groups, as the most important pillars of the state structure of the Empire. The article deals with the peculiarities of the perception of Russian officials in the public consciousness of the local nobility at the turn of eras.

Keywords: bureaucracy, nobility, bureaucracy, leaders of the nobility, public opinion

Сложность исследования этой проблемы связана с тем, что, с одной стороны, на протяжении всего рассматриваемого периода дворянство и чиновничество – это тесно связанные между собой социальные группы российского общества. Ядро, основу провинциального чиновничества, особенно верхней его страты, составляли потомственные и личные дворяне, многие из которых имели или стремились иметь земельную собственность (а до реформы 1861 г. – еще и крепостных) как материальную основу будущего своего и своих детей. Кроме того, верховная власть была заинтересована в постоянной подпитке чиновничьего корпуса выходцами из высшего

сословия как наиболее верноподданного и подготовленного к такого рода деятельности социального слоя. Для этого существовала законодательно регламентируемая система льгот и привилегий, позволявшая дворянам быстрее, чем выходцам из других сословий, делать карьеру и занимать начальствующие должности, а значит, получать доступ к новым, более существенным материальным и нематериальным преференциям на службе и в обществе.

До реформ местного управления и суда 1860-х годов кадровый состав практически всех коронных учреждений в уезде формировался выборными от местных дворянских корпораций. Поэтому в 1857 г. в Российской империи 46% классных чиновников принадлежали к дворянскому сословию⁵⁹⁰. А на губернском уровне и того больше. По подсчетам В. А. Шаповалова, в 1860 г. в Курской губернии из 587 чиновничьих должностей 397 (67,6%) были заняты дворянами⁵⁹¹.

Реформа местного управления 60–70-х годов XIX в. существенно изменила специфику роли в нем дворянства. В коронных учреждениях уездов теперь трудились назначаемые губернатором или начальствующими лицами других ведомственных структур чиновники. А некоторая часть делегируемых местным дворянством в коллегиальные органы представителей периодически приглашалась на их заседания, сами же представители не являлись ни по сути, ни по содержанию своей деятельности чиновниками, как это было ранее. Так, например, руководитель уездной полиции – избираемый дворянами из своей среды земский исправник – был заменен уездным исправником, которого подбирал и назначал по своему усмотрению губернатор. Также теперь назначались и все подчиненные исправнику приставы и иные полицейские чины.

Несмотря на это, роль поместного дворянства в местном управлении не ослабла, а приобрела новую силу и новые возможности. Введение всесословной земской организации фактически означало передачу поместному дворянству как наиболее организованному, наиболее образованному и амбициозному слою местного населения серьезных полномочий по управлению социально-экономической жизнью уездов. Одновременно с развитием земских структур правительство укрепляло и позиции уездных предводителей дворянства, которые,

⁵⁹⁰ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 2. С. 200.

⁵⁹¹ Шаповалов В. А. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е годы XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014. С. 200.

будучи руководителями сословных уездных корпораций, фактически де-юре являлись главными административными лицами в уездах. Поэтому в пореформенный период характер взглядов помещного дворянства на гражданскую службу и чиновничество коронных уездных учреждений будет эволюционировать и приобретать новую окраску.

С другой стороны, сложность исследования этой проблемы связана с тем, что невозможно говорить о более или менее едином общественном мнении высшего сословия в отношении коронной службы в силу очень широкой материальной и социальной неоднородности помещного дворянства. Следует различать позицию официальных лидеров дворянских корпораций – губернских и уездных предводителей, позицию представителей крупно- и среднепоместного дворянства, которая порой могла существенно отличаться от мнений, отстаиваемых предводителями, и позицию мелкопоместной, самой многочисленной его части.

Позиция предводителей, как правило, была подкреплена мнением большинства наиболее активной, состоятельной части губернской и/или уездной сословной корпорации. Эта позиция, обеспеченная и защищенная официальным статусом выразителей чаяний первенствующего сословия, усиленная сословной солидарностью и прочными материальными основаниями в виде крупной земельной собственности, всегда находила многочисленные способы быть зафиксированной в делопроизводственных документах и мемуарной литературе. Ее изучение уже неоднократно становилось предметом исторических исследований⁵⁹². Если позицию представителей

⁵⁹² Бикташева А. Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: тез. докладов междунар. конф. М., 2009. С. 22–25; Литвинова Т. Н. Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005; Мурашов Д. Ю. Провинциальное дворянство в конце 50-х – 70-х годах XIX века (По материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004; Платонова Т. В. Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX в.: По материалам Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002; Сизова О. В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999; Теряева Е. В. Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009; Чижова В. В. Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. На материалах Тверской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001; Шатохин И. Т., Шатохина С. Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX в. // Научные ведомости БелГУ (сер.: История. Политология. Экономика. Информатика). 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 106–110 и др.

среднепоместного дворянства, отличную от официальных высказываний и мнений дворянских предводителей, еще можно найти и в документах различных коронных учреждений, и в мемуарах, то голос мелкопоместных дворян практически неуловим и неразличим. Однако их позиция по отношению к государственной службе и оценочные суждения о представителях коронной власти нашли отражение источниках, в том числе и в нарративах, отражающих мнения и позиции предводителей дворянства и их контрагентов по полемике и противостоянию – представителей коронной власти. К сожалению, в целом история мелкопоместного дворянства в отечественной историографии практически не изучена⁵⁹³.

В-третьих, сложность исследования по этому направлению связана с тем, что авторы всех оценочных суждений, отражавших позицию дворянства в целом, отдельных его представителей или страт, сословных лидеров, не были в полной мере объективными.

Предпринятый предшественниками глубокий анализ служебных конфликтов между представителями коронной и корпоративной власти в различных губерниях империи в XIX – начале XX в. показывает, что природа их практически не менялась. Это была борьба за лидерство, за приоритет государственных или сословных интересов в реализации тех или иных управленческих решений, в осуществлении социально-экономических мероприятий. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода менялись условия и обстоятельства, в которых развивались конфликты. А они, в свою очередь, были обусловлены стратегическими, концептуальными изменениями в системе управления, существенными подвижками в общественном сознании дворянства и чиновничества под воздействием социально-политических событий, экономических преобразований.

Глубинную причину конфликтов между губернскими предводителями дворянства и губернаторами в первой трети XIX в. А. Н. Бикташева нашла в том, что в этот период шло выстраивание новой практики местного управления, сопряженного с проходившей становление министерской системой, «когда в жестком противостоя-

---

⁵⁹³ *Истомина И. В., Фурсов В. Н., Перепелицын А. В.* Мелкопоместное дворянство в структурах местного самоуправления и управления // Научные ведомости БелГУ (сер.: История. Политология. Экономика. Информатика). 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 108–115; *Истомина И. В.* Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е годы XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.

нии местного дворянства и верховной власти определялся статус губернатора, ресурсы его власти и доступные ему рычаги управления регионами»⁵⁹⁴. Для Казанской губернии «жесткое противостояние», как считает А. Н. Бикташева, длилось с 1814 г. до начала 1830-х годов.

Общественная активизация и, как следствие, рост конфликтности между лидерами коронной власти и сословной дворянской корпорации в 1810–1820-е годы отмечаются и в других губерниях. В Воронежской губернии имели место столкновения дворянских группировок с губернаторами М. И. Бравиным и Н. П. Дубенским. При описании одного из конфликтов А. А. Бартенев вскользь упомянул, что правительство в 1810–1820-х годах при организации закупок и поставок для армии больше доверяло дворянству и его выборным, нежели чиновникам⁵⁹⁵.

Соперничество представителей дворянства как лидеров дворянских группировок в борьбе за влияние в местном управлении с губернаторами как главными агентами и проводниками политики государства, в том числе стоявшими на страже интересов бюрократии, в начале правления Николая I дополнилось новым, неожиданным для власти демаршем предводителей. Только что вступивший на престол монарх под влиянием событий 14 декабря 1925 г. пожелал понять состояние дел, мысли и чаяния высшего сословия, для чего обратился к губернским предводителям с предложением подать свои записки на его имя с изложением их видения положения дворянства в империи. Одним из таких ответов стала «Записка о нуждах дворянских», подготовленная и подписанная лидерами дворянских корпораций Нижегородской, Владимирской, Костромской, Рязанской, Симбирской, Саратовской и Новгородской губерний⁵⁹⁶.

Поместное дворянство на протяжении всего рассматриваемого периода века крайне критически относилось к губернскому и уездному слою чиновничества, что нашло широкое отражение в дворянской публицистике и источниках личного происхождения. Прибывший

⁵⁹⁴ Бикташева А. Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память. 2012. № 5. С. 71.

⁵⁹⁵ Бартенев А. А. Жизнь и воспоминания одного дворянина // Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX – первая четверть XX века. Воронеж, 2015. С. 35.

⁵⁹⁶ Першин С. В. Обращение дворянских предводителей к российскому самодержцу во второй половине 1820-х – 1830-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. II. С. 139.

в 1828 г. в Моршанский уезд Тамбовской губернии дворянин Н. В. Веригин так описал свои впечатления от первого контакта с местными коронными служащими: «...здесь я испытал все боли самолюбия не столько от грубого невежества крестьян, сколько от просвещенного нашего так называемого чиновничества, которое от крестьян отличалось умением читать и писать»⁵⁹⁷.

Давая характеристику кадровому составу государственных учреждений российской провинции в первой половине XIX в., Н. Ф. Дубровин отмечал: «...присутственные места заполнялись часто людьми недостойными, безнравственными и совершенно необразованными»⁵⁹⁸. Такое состояние дел обуславливалось, по его мнению, тем, что дворянство тогда находилось в «таком блаженном положении, что не желало обременять себя службой и всеми способами уклонялось от нее»⁵⁹⁹. Отметим, что речь здесь идет исключительно о службе гражданской, а не военной и не в рамках дворянской корпорации.

Другой, не менее заслуживающий доверия выразитель дворянских интересов – публицист и писатель С. Н. Терпигорев (С. Атава) объясняет одну из главных причин удручающей характеристики коронных служащих в дореформенных уездных учреждениях: «Начальство, т.е. исправников и подьячих для земских и уездных судов, мы выбирали сами, и так как, по правде говоря, хороший человек на эти должности не шел, то выбирали мы себе начальство из всякой что ни на есть горечи: из самых захудалых дворянчиков, даже не помещиков, так – просто дворянчиков; из детей умерших или под суд отданных подьячих, служивших прежде в нашем уезде; из детей городских попов, почему-нибудь не принявших ангельского чина, и проч., и проч.»⁶⁰⁰

Отмеченное Н. Ф. Дубровиным и С. Н. Тепигоревым нежелание поместных дворян в первой половине XIX в. определяться на гражданскую службу на первый взгляд контрастирует с авторитетным утверждением Ю. М. Лотмана о практически поголовной службе дворян – военной, гражданской или придворной⁶⁰¹.

⁵⁹⁷ Веригин Н. В. Записки // Русская старина. 1893. № 4. С. 119.

⁵⁹⁸ Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. № 3. С. 565.

⁵⁹⁹ Дубровин Н. Ф. Указ. соч. С. 566.

⁶⁰⁰ Терпигорев С. Н. (С. Атава) Оскудение: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 77.

⁶⁰¹ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 28.

В первой половине XIX в. помещики, или, по терминологии С. Н. Терпигорева, «хорошие люди», не шли на статскую службу прежде всего по двум основным причинам. Первая заключалась в традиции жить в достатке и неге в своем имении и не обременять себя какими-либо обязанностями, сопряженными с необходимостью ежедневного присутствия в учреждении, с ответственностью и подчиненностью вышестоящему начальству. При этом часть этих «хороших людей» не были и лотмановскими «белыми воронами», так как имели чин, полученный, как правило, во время непродолжительной военной службы. А после нее гражданская служба в первой половине XIX в. была совсем уже неуместной для дворянской этики и чести. Здесь следует в качестве аргумента напомнить, что в пореформенный период, когда гражданская служба в общественном сознании высшего сословия постепенно утрачивала одиозный характер, многие дворяне стремились сохранить на гражданской службе свои военные чины. Такая практика, с другой стороны, вероятно, косвенно подтверждает высказанный тезис о нарастающей в пореформенный период тенденции к обелению службы в местной коронной администрации в традиционных представлениях помещичьего дворянства. И одновременно свидетельствует о попытках дворян, поступивших на статскую службу, создать некий камуфляж своего нового чиновничьего статуса военными чинами, как психологическая индульгенция (для своего эго) и защитная реакция от возможного явного или скрытого неприятия или даже презрения со стороны членов местной дворянской корпорации. На земской службе по выборам и в начале XX в. часто можно было встретить председателей и членов земских управ штабс-капитанов, поручиков, подпоручиков.

Вторая причина состояла в том, что для молодых людей из состоятельных дворянских семей чиновничья служба не была привлекательным занятием по следующим обстоятельствам. Во-первых, поступить в канцелярию и стать частью тех, кого в благородном обществе презрительно именовали «крапивным семенем», «чернильными крысами», «бумажными душами», «приказными крючками», было несовместимо с дворянской честью, если она обеспечена материальным достатком родительского имения. Другое дело гусарский, а лучше гвардейский мундир, звон шпаг и бокалов, боевые ордена. Другим обстоятельством, являющимся продолжением и развитием

вышеуказанного, была убежденность дворян, метко и ярко выраженная А. С. Грибоедовым, который вложил ее в уста Чацкого: «Служить бы рад, прислуживаться тошно». Ставшие поговоркой слова были выражением мыслей и чаяний поместного дворянства в отношении и состояния дел, и желательного образа своей вероятной служебной деятельности. Дворянам, дорожившим честью, достоинством, исповедующим верность царю и Отечеству, претило, что «в реальности служба Отечеству часто подменялась службой “лицам”, вельможам и высокопоставленным чиновникам, ... что это благородное дело дискредитируется корыстными и недалекими людьми»⁶⁰². Третье обстоятельство, актуальное для дореформенной эпохи, связано с отсутствием у большого числа дворянских детей, прежде всего из мелкопоместных семей, документа об окончании учебного заведения, который давал бы право на занятие более или менее начальственного места в коронных учреждениях, чтобы не начинать службу с писца или канцелярского служителя. По нашему мнению, именно эту категорию – в основном представителей мелкопоместного дворянства – упускал из виду и не принимал в расчет Ю. М. Лотман, когда писал о практически тотальной службе российского дворянства в начале XIX в.

Существовала и еще одна (третья) причина отказа состоятельных дворян от службы в государственных учреждениях в дореформенную эпоху. «Хороший человек» отказывался связывать свое имя с чиновничеством, погрязшим в коррупции и казнокрадстве. Ю. М. Лотман, характеризовавший нравы российского дворянства, отмечал, что служба «статская не считалась “благородной”. Ее называли “подьяческой”, в ней всегда было больше разночинцев и ею принято было гнушаться»⁶⁰³. Такая позиция в начале XIX в. была частью дворянского мировоззрения и бытовала, без сомнения, во всех strataх сословия, кроме, может быть, самой захудалой его части – мелкопоместного дворянства, экономическое положение и повседневная жизнь которого мало чем отличались от положения и жизни крестьян, живущих по соседству.

Толстовский Пьер Безухов в определенный момент своей биографии не хотел ни в чем участвовать из-за бесчестности всякого

⁶⁰² Муравьева О. С. Как воспитывали русского дворянина. М., 1995. С. 27–28.

⁶⁰³ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 25.

служебного дела. В этой радикальной позиции прослеживается тот же мотив, объясняющий нежелание «хороших людей» идти на статскую службу, только в гротескно преувеличенном масштабе. А вот позиция отца мемуариста первой половины XIX в. А. А. Бартенева по этому поводу вполне конкретна: «В гражданскую службу он ни в какую не вступал, потому что считал за грех извлекать пользу за счет ближних»⁶⁰⁴. Важно, что по времени эти слова были сказаны примерно тогда же, когда свою позицию озвучил и толстовский герой. Однако, несмотря на такую принципиальность в отношении коронной гражданской службы, Бартенев-старший все-таки определил своего 15-летнего сына на службу в Воронеже в совестливый суд, не дав ему завершить полный курс обучения в народном училище. Говоря о причинах, побудивших отца прервать обучение старшего сына, мемуарист называет две: «...в четвертом классе, где изучались высшие предметы, отец мой не счел нужным оставлять меня, боясь ли, чтоб я не увлекся заманчивою идеальностию... или по расчетливости, имея кроме меня еще шесть человек детей. Чтобы поскорее облегчить себя в содержании меня... отец мой записал меня в статскую службу в совестливый суд...»⁶⁰⁵ Как видим, экономическое составляющая, по нашему мнению, хоть и указана второй, является определяющей.

Предводители дворянства соприкасались с чиновничеством более тесно, чем поместные дворяне, а потому и лучше знали нравы и обычаи, царившие в этой среде. А потому, опекая дворян, предводители предостерегали тех, кому предстояло иметь непростое дело в суде или канцелярии. При этом они не могли удержаться и от общей характеристики чиновничества, суда, учреждений или конкретного государева слуги. Предводитель дворянства Шацкого уезда Тамбовской губернии дал совет Н. В. Веригину «не выпускать из вида дела, которое пойдет в губернское правление». А потом добавил: «В этом высшем губернском судилище... без денег и правое дело делается неправым, а наш губернатор все подпишет, что ему подадут, хотя не будет участником мерзости своего секретаря Б-а, известного взяточника»⁶⁰⁶.

⁶⁰⁴ Бартенев А. А. Жизнь и воспоминания одного дворянина // Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX – первая четверть XX века. Воронеж, 2015. С. 18.

⁶⁰⁵ Бартенев А. А. Указ. соч. С. 32.

⁶⁰⁶ Веригин Н. В. Записки // Русская старина. 1893. № 4. С. 128.

Однако не только предводители, обычный среднестатистический дворянин, критически настроенный и общественно активный, мог создать серьезные проблемы нечистым на руку чиновникам. Поэтому провинциальная бюрократия не любила таких людей, боролась с ними самыми разными способами, порой не гнушаясь даже превышением своих полномочий и нарушением закона. Когда в 1828 г. дворянин Н. В. Веригин, служивший управляющим имениями генерала Л. А. Нарышкина в Моршанском уезде Тамбовской губернии, попытался найти управу на судебных чиновников, то они постарались втянуть его в судебную волокиту, подключив своих покровителей в окружении тамбовского губернатора и требуя ненужные для дела документы. Только личное обращение Н. В. Веригина к губернатору И. С. Миронову остановило необоснованные претензии чиновной коррумпированной братии⁶⁰⁷.

Помещики, обладавшие крупной и средней земельной собственностью, имели до 1861 г. солидное влияние на выбор должностных лиц от дворянства в местные коронные учреждения, а после их утверждения и на их деятельность. Выбирая из своей среды «просто дворянчиков» и иную «горечь», они поступали с ними так, как писал С. Н. Терпигорев: «Ясно, что со всей этой братией нечего было церемониться, и мы действительно не церемонились»⁶⁰⁸. Зависимость «этой братии» на коронной службе от воли помещичьей элиты уездов имела и иную природу, опять-таки образно сформулированную тем же автором: «Понятно, что вся эта голь была голодна, прожорлива и ужасно плодуща. Уже по одному этому она была у нас в полной зависимости и покорности. Кто даст ей муки, крупы, овса, масла, гусей, кто, хотя и заочно, воспримет от купели у нее ребенка? Кто, если она проворуется и попадет наконец под суд, заступится за нее перед губернатором? Не кто иной, как помещик...»⁶⁰⁹

Таким образом, длительное время действовавшая практика формирования части чиновничьего корпуса через делегирование дворянскими корпорациями своих представителей в коронные учреждения привела к тому, что эта часть местного чиновничьего корпуса в своем большинстве отличалась неприглядной характери-

⁶⁰⁷ Веригин Н. В. Записки // Русская старина. 1893. № 4. С. 127–129.

⁶⁰⁸ Терпигорев С. Н. (С. Атава) Оскудение: в 2 т. М., 1958. Т. 1. С. 77.

⁶⁰⁹ Терпигорев С. Н. (С. Атава) Указ. соч. С. 77.

стикой. Ей были присущи крайне низкий уровень авторитета, неэффективность в отстаивании государственных интересов и соблюдении законности, массовые злоупотребления своими властными полномочиями, следование в служебной деятельности своим корыстным интересам. Еще одним существенным аспектом этих взаимоотношений является то, что эти взаимоотношения строились между формально близкими стратами дворянства. С одной стороны, это были потомственные дворяне, дворяне-землевладельцы, а с другой – тоже дворяне, получившие личное или потомственное дворянство по чину или ордену и живущие на доходы от государственной службы (в том числе и так называемые «безгрешные доходы»). Это обстоятельство добавляло остроты в практику служебной повседневности провинциального чиновничества. Сложившееся к середине XIX в. в общественном сознании поместного дворянства негативное восприятие чиновничества имело глубокие социально-психологические и социально-экономические корни. Различия в правовом статусе, способе материального обеспечения жизни, экономическом базисе влекли за собой следование различным, порой антагонистическим, ценностным установкам, которые культивировались в этих социальных группах. А потому неизбежны были неприятие, конфликты и вражда.

Список литературы

1. *Бартенев А. А.* Жизнь и воспоминания одного дворянина // Воронеж в воспоминаниях и письмах современников. XIX – первая четверть XX века. Воронеж, 2015.
2. *Бикташева А. Н.* Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй: тез. докладов междунар. конф. М., 2009. С. 22–25.
3. *Бикташева А. Н.* Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // История и историческая память. 2012. № 5. С. 71–84.
4. *Веригин Н. В.* Записки // Русская старина. 1893. № 4. С. 107–146.
5. *Дубровин Н. Ф.* Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. № 3. С. 539–569.
6. *Истомина И. В.* Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е годы XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2013.

7. *Истомина И. В., Фурсов В. Н., Перепелицын А. В.* Мелкопоместное дворянство в структурах местного самоуправления и управления // Научные ведомости БелГУ (сер.: История. Политология. Экономика. Информатика). 2012. № 1 (120). Вып. 21. С. 108–115.
8. *Литвинова Т. Н.* Организация и деятельность дворянских сословных учреждений Воронежской губернии последней четверти XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
9. *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
10. *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 2.
11. *Муравьева О. С.* Как воспитывали русского дворянина. М., 1995.
12. *Мурашов Д. Ю.* Провинциальное дворянство в конце 50-х – 70-х годах XIX века (По материалам Пензенской губернии): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2004.
13. *Першин С. В.* Обращение дворянских предводителей к российскому самодержцу во второй половине 1820-х – 1830-е годы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. II. С. 139–141.
14. *Платонова Т. В.* Провинциальное дворянство в конце XVIII – первой половине XIX в.: По материалам Саратовской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2002.
15. *Сизова О. В.* Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999.
16. *Терпигорев С. Н. (С. Атава)* Оскудение: в 2 т. М., 1958. Т. 1.
17. *Теряева Е. В.* Служащее дворянство Орловской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2009.
18. *Чижова В. В.* Выборные от дворянства в системе местного управления Российской империи в конце XVIII – первой половине XIX в. На материалах Тверской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тверь, 2001.
19. *Шатовалов В. А.* Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е годы XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, 2014.
20. *Шатохин И. Т., Шатохина С. Б.* Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX в. // Научные ведомости БелГУ (сер.: История. Политология. Экономика. Информатика). 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 106–110.